

Когда Юнь Фэймяо добрался до места, он увидел Гун Чжо: облаченный в багряные одежды юноша с демонически привлекательной внешностью бессильно опирался на ствол раскидистого дерева. Бледность лица и непрерывно катившиеся капли пота лишь добавляли его облику хрупкого, уязвимо очарования.

На его левом плече устроилась прелестная огненно-рыжая лисичка с тремя хвостами. Она то и дело смахивала кончиком хвоста испарину, выступавшую у него на лбу с левой стороны.

Чуть левее расположился Цзян Цинжо, чистый и благородный, словно благородный муж среди бамбука или дух лотоса. Своими длинными, изящными белыми пальцами он удерживал лепесток прозрачного зеленого лотоса, бережно поднося его к губам Гун Чжо.

Справа же на невысоком камне сидел Се Ян, утонченный и элегантный, будто сошедший с картины, написанной тушью. Одной рукой он мерно обмахивал больного веером, а в другой держал платок, аккуратно утирая ему пот.

Юнь Фэймяо замер как вкопанный, не в силах отвести взгляд. Картина перед его глазами казалась настолько живописной и завораживающей, что на нее даже неловко было смотреть.

И всё же он невольно продолжал разглядывать эту компанию.

Впрочем, заговорить он и впрямь не решался. Паренек понимал, что сейчас самое время проявить заботу о здоровье Гун Чжо, но панически боялся, что стоит ему открыть рот, как вместо слов сочувствия из него вырвется искреннее восхищение тем, какими завидными любовными ласками тот окружен.

— Младший седьмой, — Се Ян, заметив Юнь Фэймяо, тут же перестал махать веером и поманил его рукой. — Почему ты весь до нитки мокрый? В озеро свалился?

— Да, как раз только что выбрался оттуда, совсем забыл просушить одежду.

С этими словами Юнь Фэймяо направился к Се Яну, на ходу сотворяя ручной знак заклинания. Он полностью вытянул из своих одежд застрявшую в них озерную воду и обратил ее в мелкий грибной дождик, оросивший окружающие деревья и траву.

Поскольку эта вода была насыщена духовной энергией, политые ею растения мгновенно оживились и даже заметно вытянулись вверх.

Этот жест целиком и полностью приковал к себе внимание Цзян Цинжо. Ему впервые доводилось видеть, чтобы кто-то сушил одежду подобным образом.

Это же буквально ходячая поливалка! Интересно, получится ли у него после вступления в секту Ванцзянь переманить Юнь Фэймяо к себе, чтобы вместе выращивать деревья?

Юнь Фэймяо отыскал местечко рядом с Се Яном, присел и с любопытством спросил, глядя на Гун Чжо:

— Брат Гун, что с тобой стряслось?

— И не спрашивай, чертово невезение! Напоролся на компашку ублюдков. Поняли, что не могут одолеть меня в честном бою, и пустили в ход яд! Если бы А-Ян не проходил случайно мимо, я бы сегодня точно здесь концы отдал, — Гун Чжо в своей привычной манере принялся вовсю сыпать ругательствами.

Цзян Цинжо, стоявший рядом, с виноватым видом вздохнул:

— Это я накликал беду на брата Гун Чжо.

Как оказалось, стоило Гун Чжо переместиться в тайное царство, как он тут же приметил огненную лису.

Он не знал, к какой именно породе она принадлежит, но выглядела она настолько великолепно, что сразу стала лисицей его мечты.

Гун Чжо решительно бросился в погоню, а по пути еще и прихватил водяное зеркало, предназначенное для записи происходящего, бережно спрятав его за пазуху.

Тут уж ничего не поделаешь: среди сотни практиков Западной провинции, вошедших в это тайное царство, человек шесть-семь принадлежали к клану Гун, и еще восемь-девять — к клану Се.

Сам он изначально являлся прямым потомком главной ветви Гун, но в итоге стал изгоем в собственной семье. Из-за этого многие молодые господа и барышни клана Гун спали и видели, как бы посильнее уколоть его при встрече, чтобы самоутвердиться за его счет.

Что же касается людей из клана Се, то из-за его близкой дружбы с Се Яном они переносили свою ненависть и на него, так что при каждой встрече тоже норовили устроить провокацию.

И пусть по всему тайному царству были расставлены записывающие водяные зеркала, слепые зоны всё равно оставались.

Гун Чжо рассудил, что вместо того чтобы пассивно надеяться на безопасность со стороны чужих зеркал, надежнее будет прибрать одно из них к рукам.

Однако он никак не ожидал, что весь его путь пройдет тишайшим образом, зато сразу после заключения контракта с огненной лисой он наткнется на Цзян Цинжо, которого плотным кольцом окружили враги.

В тот же миг он осознал, что лисица привела его сюда намеренно: ведь на плече у Цзян Цинжо устроилась милая зеленая лисичка, и эта парочка явно была заодно.

Гун Чжо мысленно подивился, что рыжая плутовка оказалась о нем слишком высокого мнения: вокруг было полно незнакомых лиц, а она за помощью побежала именно к нему!

Ему не хотелось лезть не в свое дело, и он уже собирался прогнать лисицу, но Цзян Цинжо был настолько хорош собой, что Гун Чжо невольно засмотрелся на него.

И именно за эти пару мгновений он успел расслышать обрывки чужого разговора и быстро вник в суть происходящего.

Как выяснилось, окруженный врагами Цзян Цинжо являлся молодым господином прямой линии главной ветви клана Цзян из Восточной провинции. Положение клана Цзян на Востоке было сопоставимо с положением клана Юнь на Западе: это был влиятельный и древний род, сменивший бесчисленное множество поколений, с колоссальным внутренним наследием.

Разница заключалась лишь в том, что на Западе род Юнь всегда оставался единым целым, в то время как род Цзян еще тысячу лет назад раскололся на две фракции.

Отделившаяся часть считалась побочной ветвью, но со временем она настолько разрослась и окрепла, что вознамерилась полностью подмять под себя главную линию.

К настоящему моменту, за исключением нескольких старых и авторитетных кланов Восточной провинции, обычные люди уже толком не различали, где главная ветвь, а где побочная.

Им было известно лишь то, что в долине Шэньнуна людей из рода Цзян осталось совсем мало, и они ведут затворнический образ жизни, тогда как долина Десяти Тысяч Лекарств процветает, а её влияние простирается на всю Восточную провинцию.

Какая из ветвей истинная, а какая побочная — посторонних не волновало: в конце концов, они вынуждены были заискивать перед теми, кто держал в руках весь оборот духовных растений Востока.

Однако побочная ветвь из долины Десяти Тысяч Лекарств прекрасно знала истинное положение дел! Да, в долине Шэньнуна людей почти не осталось, но самые лучшие духовные травы всего континента Цанлань росли либо в древних тайных царствах, либо на землях долины Шэньнуна.

На первый взгляд именно они, хозяева Лекарственной долины, контролировали торговлю растениями на всём Востоке, вот только обладающие глубочайшим наследием восемь древних кланов предпочитали вести дела исключительно с долиной Шэньнуна!

Из-за этого побочная ветвь Цзян никогда не оставляла попыток истребить главную линию. Обычно те безвылазно сидели в долине Шэньнуна, но стоило Цзян Цинжо наконец показаться во внешнем мире, как они, разумеется, не упустили шанса с ним расправиться.

И пускай за порядком в тайном царстве неусыпно следили водяные зеркала, нападавших это не смутило: перед тем как заманить Цзян Цинжо в ловушку, они заблаговременно уничтожили все зеркала поблизости.

Гун Чжо в очередной раз поразился тому, насколько «разнообразными» могут быть великие кланы: у Се Яна родственники ополчились против него одного, у него самого мачеха выставила законного наследника за дверь ради бастарда, а у Цзян Цинжо и вовсе побочная фракция пыталась сожрать главную после раскола.

Из-за пережитого в детстве Гун Чжо питал лютую, укоренившуюся в самом сердце ненависть к подобным семейным междоусобицам. Поэтому когда он снова взглянул на людей, осаждавших Цзян Цинжо, их лица показались ему до крайности омерзительными — точь-в-точь как у тех подонков, что когда-то причиняли боль ему и Се Яну.

В итоге он втихомолку достал водяное зеркало и записал всё происходящее от и до. Для полной надежности он активировал и развесил на себе все свои особые заколки, браслеты и пояс со встроенными камнями памяти, а парочку штук даже ухитрился незаметно забросить на ветви деревьев и спрятать в ближайших кустах.

Несмотря на всю его осторожность, багряные одежды были слишком приметными, и его быстро обнаружили.

Впрочем, паники он не испытал, поскольку изначально и собирался вмешаться.

Боевая мощь Цзян Цинжо была весьма высока, он сдавал позиции лишь из-за численного превосходства врагов. Стоило Гун Чжо вступить в бой, как ситуация стремительно

переменилась в их пользу.

Вот только Гун Чжо никак не ожидал, что эти сукины дети посмеют использовать яд! Да еще и комбинированный — каждый выпустил по своему особому составу, которые в итоге смешались.

Цзян Цинжо обладал врожденным иммунитетом к сотне ядов, так что ему ничего не сделалось, а вот Гун Чжо сдать позиции не сумел. Имевшиеся при Цзян Цинжо универсальные пилюли смогли нейтрализовать лишь семьдесят процентов токсинов, а оставшиеся тридцать относились к специфическим ядам, встречающимся исключительно в этом тайном царстве, и противоядие к ним можно было приготовить только из местных духовных трав.

— Какая низость! И что теперь с этой бандой? — не удержался от вопроса Юнь Фэймяо.

При упоминании об этом Гун Чжо заметно приободрился:

— Брат Цзян просто невероятен! Он сумел извлечь часть яда из моего тела и в точности в таком же виде перенаправил его обратно в них, после чего раздавил их жетоны перемещения и разом вышвырнул всю компанию вон из тайного царства.

— И какой прок от того, что их просто вышвырнули? Эти люди без тени сомнения пускают в ход яды против окружающих, страшно представить, скольким еще практикам они успеют навредить во внешнем мире, — лицо Цзян Цинжо оставалось мрачным.

С тех самых пор, как в далекой древности предки клана Цзян получили благословение от самого Бога Медицины, весь их род неизменно видел своим долгом исцеление больных и спасение жизней.

К сожалению, высокое дерево сильнее подвержено ветрам: ладно бы посторонние зарились на редкие лекарства долины Шэньнуна, так еще и внутри рода вспыхнул бунт побочной ветви.

Главная линия вовсе не возражала против того, чтобы побочная ветвь крепла, развивалась и затмевала их своей славой, но то, с какой беспринципностью те шли по головам и пренебрегали человеческими жизнями, было настоящим позором для предков.

Старейшины в долине вечно твердили, что все они носят одну фамилию Цзян, а бывшие кровавые обиды остались в глубине веков; теперь, когда главная ветвь совсем немногочисленна, им тем более не следовало устраивать резню с сородичами.

Вот только побочная ветвь от начала и до конца жаждала истребить их под корень. Если они продолжают терпеть и дальше, главная линия рискует исчезнуть навсегда.

<http://bllate.org/book/17668/1657920>